

людей на общую беззащитность. В эти минуты Пухов чувствовал свое отличие от природы и горевал, уткнувшись лицом в нагретую своим дыханием землю, смачивая ее редкими неохотными каплями слез.

Платоновская психологическая стратегия, суть которой в резком стыке двух противоположных характеристик Пухова (равнодушного и горько страдающего), нацелена на демонстрацию «непрототы» простого человека; эмоциональная сдержанность его, погруженность в быт, в простые и вечные заботы о сытости и тепле не исчерпывают его. Глубоко спрятаны, но присутствуют в нем и страдания, и внебытовые (философские) размышления.

В искусстве Платонова жизнь предстает в самых разнообразных, как правило, драматичных, поворотах. Но Платонова особо привлекают наиболее психологически емкие ситуации. Самая излюбленная — вернее всего та, которую можно назвать «у последней черты жизни», когда жизнь и смерть предельно сближаются, практически смыкаются и «выжить» становится главной целью человека. У Платонова эта ситуация представлена как реальная, жизненная и одновременно «философская», поскольку рядом с «выжить» всегда встают вопросы: «как выжить, во имя чего, какой ценой?».

Единство в мире Платонова конкретно-исторических и «бытийных» мотивов, сращение в его персонажах социально-психологического с символично-философским демонстрирует в наиболее «чистом виде» повесть «Джан». Она была живым откликом советского писателя на бурную действительность Средней Азии 30-х годов: именно в это время там развернулись социалистические преобразования. А. Платонов в составе бригады писателей Оргкомитета СП СССР побывал в Туркмении весной 1934 г., и его впечатления от этой поездки отразились в рассказе «Такыр» и повести «Джан».

Ситуации и герой «Джан» были предсказаны в творчестве Платонова его рассказом 1926 г. «Песчаная учительница».

Учительница Мария Никифоровна застала крестьян, живущих на границе с прикаспийской пустыней, в состоянии отчаяния, на грани смерти. «Усталый голодный крестьянин много раз лютовал, дико работал, но силы пустыни его сломили и он пал духом, ожидая либо чьей-то чудесной помощи, либо переселения на мокрые северные земли». И женщина смогла поднять их сломленный дух и вдохновить на работу (насаждения кустарников прекратили путь пескам). Но беда пришла вновь: кочевые тропы привели в село кочевников, которые, дабы выжить, веками уничтожали все растения на своем пути: «Мы не злы, и вы не злы, но мало травы. Кто-нибудь умирает и ругается». Марья Никифоровна теперь поняла «сложную и глубокую жизнь племен пустыни, поняла всю безысходную судьбу двух народов, зажатых в барханы песков», и она решила поспорить с судьбой, не пожалев всей своей жизни. «Вы, Марья Никифоровна, могли бы заведовать целым народом, а не школой», — в этих словах прямое предвосхищение миссии Назара Чагатаева из «Джан».

Как известно, среднеазиатская тема заняла особое место в советской литературе начала 30-х годов. Поездка группы писателей в Туркестан в 1930 г. дала материал для «Саранчи» Л. Леонова, «Рассказов бригадира М. Н. Синецына» Вс. Иванова, «Пустыни» П. Павленко, «Кочевников» Н. Тихонова. Все эти произведения, созданные дарованиями очень различными и разновеликими, несли в себе одну общую черту — генетическую связь с очерком — жанром, наиболее мобильно откликающимся на злобу дня.

Повесть Платонова «Джан» противостоит очерку условностью своего поэтического мира⁴. Движение к социализму отсталых среднеазиатских

⁴ О художественном своеобразии этого произведения Платонова см.: Аннинский Л. Запад и Восток в творчестве Андрея Платонова, «Народы Азии и Африки», 1967, № 4. Турбин В. Мистерия Андрея Платонова. — «Молодая гвардия», 1965, № 7.